

Религиоведение. 2023. № 4. С. 59–70.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2023. No. 4. P. 59–70.

DOI: 10.22250/20728662_2023_4_59

Цмыкал О.Е.¹, Зиненко Я.В.²

^{1,2} Амурский государственный университет
^{1,2} 675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатиевское шоссе, 21
¹olgatsmykal@yandex.ru; ²yasya11111@mail.ru

Китайский религиозный синкретизм в рассказе (новелле) о необычайном (на материале цикла «Китайская быль» И.Г. Баранова)

Аннотация. Статья посвящена циклу И.Г. Баранова «Китайская быль» который был опубликован в харбинском журнале «Вестник Азии». Настоящее исследование продолжает цикл работ авторов, посвящённых практическому востоковедению русскоязычного Харбина первой половины XX в. Авторы обращаются к вопросу об отражении китайских синкретических верований в *бицзя сяошо* – «рассказах (новеллах) о необычайном». В тексте статьи приведены наиболее репрезентативные примеры китайского троесверия (даосизма, буддизма и конфуцианства), которые являлись неотъемлемой частью народной культуры китайцев. На сегодняшний день материалы, составляющие наследие востоковедов, проживавших и работающих в регионе, который сегодня мы называем зоной порубежья или фронта, опубликованные с предисловиями и комментариями авторов, – это бесценный ресурс, не имеющий аналогов. Результаты работы этнографов-синологов, опубликованные в харбинских журналах, составляют целый пласт исследований, мало известных современной российской науке, не все из них проанализированы с учётом новейших данных, собранных в архивные коллекции и объединённых в единую систему знаний. Для исследователей, оказавшихся в окружении чуждой им этнокультурной реальности, обращение к изучению инокультуры становится, фактически, попыткой решения конфликта между «своим» и «чужим» – и парадоксальным образом через познание «чужого» даёт возможность сохранить «своё». С этой точки зрения востоковедческие штудии харбинцев можно рассматривать как стратегию сохранения этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: фронт, Харбин, востоковедение, этнокультура, этнография, идентичность, Китай, даосизм, буддизм, конфуцианство, религиозный синкретизм

Olga E. Tsmyskal¹, Yana V. Zinenko²

^{1,2} Amur State University
^{1,2} 21 Ignatievskoe highway, Blagoveshchensk, 675027, Russia
¹olgatsmykal@yandex.ru; ²yasya11111@mail.ru

Chinese Religious Syncretism in a Story (Novel) about the Extraordinary (Based on the Cycle “Chinese True Story” by I.G. Baranov)

Abstract. The article deals with the cycle “Chinese True Story” by I.G. Baranov, which was published in the Harbin journal “Monitor of Asia”. This study continues the series of works by the authors investigating practical Oriental studies in Russian-speaking Harbin in the first half of the twentieth century. The authors address the issue of the reflection of Chinese syncretic beliefs in *bijia xiaoshuo* – “stories about the extraordinary”. The text of the article provides the most representative examples of Chinese three faiths (Taoism, Buddhism and Confucianism), which were an integral part of Chinese folk culture. Today, materials that constitute the heritage of orientalists who lived and worked in the region, which today we call the border or frontier zone, published with forewords and comments by the authors, are an invaluable resource that has no analogues. The results of the work of ethnographers-sinologists, published in Harbin journals, constitute a whole layer of research, little known to modern Russian science, not all of them were analyzed considering the latest data collected in archival collections and combined into a single system of knowledge. For researchers who find themselves surrounded by an ethnocultural reality alien to them, turning to the study of a foreign culture becomes, in fact, an attempt to resolve the conflict between “us” and “them” – and, paradoxically, through the knowledge of “them” it makes it possible to preserve “us”. From this point of view, the oriental studies of the Harbin residents can be considered as a strategy for preserving ethnocultural identity.

Key words: frontier, Harbin, Oriental studies, ethno-culture, ethnography, identity, China, Taoism, Buddhism, Confucianism, religious syncretism

О.Е. Цмыкал

Я.В. Зиненко

Введение

Настоящая работа продолжает цикл исследований, посвящённых труду известного харбинского востоковеда И.Г. Баранова¹ «Китайская бьль». Ранее нами был рассмотрен вопрос о значимости данной публикации как источника этнокультурных сведений о Китае в целом, а также выделены встречающиеся в рассказах из «Китайской бьли» этнорелигиозные особенности китайской народной культуры – такие, как шаманизм, мифологические верования, вера в духов, вера в оборотней и т.д. [Цмыкал, 2022а; Цмыкал, 2022б]. В данной статье мы обращаемся к вопросу о том, как в новеллах о необычайном из цикла «Китайская бьль» отразилась базовая характеристика этнорелигиозной картины мира китайцев – синкретизм (конкретнее – единство трёх великих учений – даосизма, конфуцианства и буддизма).

«Китайская бьль» – сборник китайских рассказов о необычайном (*бицзя сяошо*) – был опубликован Ипполитом Георгиевичем Барановым в 1915 году в журнале «Вестник Азии», издававшемся Обществом русских ориенталистов, одним из известнейших востоковедческих обществ русского Харбина. «Китайская бьль» состоит из переводов, отобранных И.Г. Барановым из сборников разных авторов – Пу Сунлина, Юань Мэя и др. Новеллы, входящие в цикл «Китайская бьль» подобраны составителем таким образом, чтобы проиллюстрировать самые разные стороны жизни китайского народа – от особенностей быта и семейных отношений до религиозно-философских воззрений.

Но прежде, чем вести разговор непосредственно о проявлении религиозного синкретизма в рассматриваемой публикации И.Г. Баранова, следует сказать несколько слов о научном сообществе, частью которого он являлся. Харбин, центр русской культуры в Маньчжурии, собрал под своим крылом немало выдающихся людей – в том числе и талантливых исследователей-ориенталистов, среди которых были как любители-энтузиасты, так и настоящие профессионалы. Ещё до Октябрьской революции Харбин становится одним из центров русского практического востоковедения [Хисамутдинов, 2015, 99]. Этнографические исследования харбинских учёных имеют ценность и сегодня, так как многие из них проводились в поле, в прямом контакте с населением маньчжурской земли. Также нельзя не отметить, что эмигранты-китаисты зачастую имели доступ к материалам, которые попадали в руки к столичным корифеям значительно позже, таким образом, порой харбинское востоковедение даже опережало столичное (что не мешало, однако, московским и санкт-петербургским синологам смотреть на коллег-эмигрантов несколько «свысока», а последним, в свою очередь, ощущать себя глубокими провинциалами, находящимися на периферии науки [Хисамутдинов, 2015]).

На сегодняшний день материалы, составляющие наследие востоковедов, этнографов, собирателей легенд и сказок, проживавших и работающих в регионе, который мы называем зоной порубежья или фронта² (например, Харбин, Владивосток, Благовещенск и т.д.), опубликованные с предисловиями и комментариями авторов, – это бесценный ресурс, не имеющий аналогов. Главной задачей этих учёных был сбор знаний о регионе, в котором они волей судьбы оказались. Этому способствовала окружающая их инокультурная среда. Несмотря на то, что Харбин был городом русскоговорящим, его населяли не только выходцы из Российской империи, китайское население активно приспосабливалось к жизни с русскими. Несмотря на благополучно выстроенный быт, активную деятельность русской православной церкви, систему образования, русские хорошо понимали, что они находятся не в России.

На территории Северной Маньчжурии в первой половине XX века население представляло этническую мозаику из кочевников (тунгусы, солоны, баргуты и т.д.), а также оседлых обитателей (дауры, маньчжуры). Эти народы мирно уживались друг с другом, сохраняя собственную этнокультурную и этнорелигиозную картину мира. Учёные-востоковеды Харбина не случайно обращаются к изучению нематериального наследия региона, в котором они оказались волей судьбы. Им было важно составить этнокультурный портрет этой местности. Востоковеды уделяли внимание и историческому прошлому народов порубежья. Как нам представляется, одной из основных своих задач они видели прояснение вопроса о том, где заканчивает-

ся этнокультурная самобытность одного народа и начинается распространение культуры этнического большинства, т.е. ханьцев.

Для людей, существующих во фронтальной реальности, бог о бок с носителями инокультуры, важно было, с одной стороны, сохранить собственный этнокультурный «фундамент», культурную самоидентичность, а с другой – познать «соседа», понять его (причём второе несколько не противоречило, а, наоборот, закономерно вытекало из первого). Обращение к изучению восточных культур (прежде всего – китайской) становилось в таких обстоятельствах, как мы полагаем, попыткой решения конфликта между «своим» и чужим» (при этом исследование «чужого» в данном случае являлось средством сохранения «своего»). Таким образом, деятельность харбинских этнографов предстаёт как стратегия сохранения этнокультурной идентичности в условиях фронта.

Большой след в харбинском востоковедении оставила деятельность Общества русских ориенталистов (ОРО) [Хисамутдинов, 2018а, 8, Зиненко, Цмыкал, 2021, 172–178]. Общество активно вело исследовательскую работу – а также популяризировало знания о странах Востока через музейную деятельность, публичные лекции и печать («рупором» ОРО выступал журнал «Вестник Азии», издававшийся с 1909 по 1928 гг.) [Хисамутдинов, 2015, 101–108]. В уставе Общества было обозначено: «Основной задачей объединения лиц, получивших высшее ориентальное образование, должно быть служение государственным интересам России на Азиатском Востоке» [Веревкин, 1909, 274]. В данный момент труды авторов «Вестника Азии» активно изучаются сотрудниками Лаборатории фронтальных исследований и Центра изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета и их учениками. Авторы полагают, что исследование публикаций членов Общества русских ориенталистов и других научных обществ русского Харбина имеет значение для современного научного сообщества России, так как некоторые сведения, содержащиеся в них, так и не были введены в российский научный оборот по разным причинам.

Итак, обратимся к объекту нашего исследования – труду И.Г. Баранова «Китайская быль». Прежде всего проясним жанровую принадлежность текстов, входящих в цикл. Данный жанр определяется как *бицзя сяошо*, «проза разных записок». Эти «записки» включали в себя «суеверную быличку, религиозную легенду, мифологический рассказ, записи происшествий и анекдотов, этнографические записи, исторические свидетельства, не попавшие в официальные хроники и наследующие традиции рассказа III–VI вв.» [Голыгина, 2008, 79–83]. Возникают *бицзя сяошо* в X–XIII вв. (развившись из *чжигуай сяошо* (рассказов о духах/сверхъестественном) и *чуаньци* – рассказов о необычайном).

В XVII–XVIII вв. развитие рассказа (или новеллы) о необычайном было связано с именами Пу Сунлина (автор сборника «Ляо-чжай-чжи-и») и Юань Мэя (автор сборника «Цзы бую й») («О чём не говорил Конфуций»), у которых И.Г. Баранов позаимствовал немало сюжетов для «Китайской были». Источниками текстов, вошедших в цикл «Китайская быль» стали несколько сборников *бицзя сяошо*: «Ляо-чжай-чжи-и» Пу Сунлина («Описание чудесного из кабинета Ляо») – XVII–XVIII вв., «Цзы-бу-юй» Юань Мэя («О чём не говорил Конфуций») – XVIII в., «Е-тань-суй-лу» («Сборник ночных рассказов») Хэ Баньэ – XVIII в., «Дела китайских судей» У Вояо – XIX–XX вв. На наш взгляд, подобный метод компоновки (использование текстов из сборников разных веков) позволяет увидеть, насколько консервативным явлением является этнокультурная и этнорелигиозная картины мира китайцев.

Как мы отмечали в предшествующих публикациях [Цмыкал, 2022б], по мнению советских и российских исследователей, изучение *бицзя сяошо*, подобных тем, что входят в перечисленные сборники, позволяет почерпнуть множество важных сведений о религиозных верованиях и народных представлениях китайцев о сверхъестественных существах [см, например: Фишман, 1984, 180].

Не секрет, что народные религиозные представления китайцев базируются на *синкретизме*. Как отмечает А.П. Забияко, религиозный синкретизм – это «состояние религиозного явления, характеризующееся невыделенностью качественно различных элементов или их смешением во внутренне противоречивую систему» [Забия-

яко, 2008, 1171]. Подробно различные интерпретации понятия «синкретизм» отечественными и зарубежными учёными рассматривает Е.А. Конталева [Конталева, 2017, 62–78].

По мнению Л.С. Васильева, китайская система религиозного синкретизма представляет собой результат сложного процесса синтеза трёх великих учений: конфуцианства, даосизма и буддизма.

Учёный также подчёркивает: «конфуцианство играло роль утверждающего начала, тогда как даосизм – отрицающего, что каждый китаец – конфуцианец, когда он процветает, и даос, когда на него сваливаются несчастья, и что конфуцианство всегда выходило на передний план в период благополучия страны, тогда как даосизм оказывался на самом видном месте во время смут и неурядиц» [Васильев, 2001, 361].

В.Я Сидихменов, в свою очередь, пишет, что «В народных верованиях конфуцианство, буддизм и даосизм слагались в своего рода единый комплекс, каждый раз окрашенный некоторыми местными обычаями и суевериями. Поэтому в Китае невозможно было обнаружить в чистом виде ни буддизма, ни даосизма, ни конфуцианства. Это привело к возникновению религиозного синкретизма...» [Сидихменов, 1987, 219–221].

Синкретические верования китайцев, основанные на органичном соединении трёх элементов *сань цзяо* – даосизма, конфуцианства и буддизма – закономерно отразились как в фольклоре, так и в литературном творчестве.

Религиозный синкретизм, присущий мышлению китайского народа, отражается и в популярной в Китае новелле о необычайном. Как отмечает О. Фишман, авторов *бицзя сяошо* «низший уровень религиозной системы – народная религия – интересовал значительно больше, чем высший» [Фишман, 1984, 207]. Этим объясняется обилие сюжетов, демонстрирующих собой яркий пример синкретических религиозных верований, среди рассматриваемых нами источников.

Обсуждение результатов

Перейдём непосредственно к анализу отобранных текстов из цикла «Китайская быль».

Птичья речь (из сборника «Ляо-чжэй-чжи-и»)

В народном творчестве и в произведениях писателей, созданных по фольклорным мотивам, прославлялась проницательность даосов-отшельников, их способность предсказывать людям, откуда следует ждать несчастья, и разоблачать тех, кто ведёт неправедную жизнь [Сидихменов, 1987, 161]. Образ странствующего монаха-даоса нередко встречается в китайских рассказах о событиях необычайных. Фигурирует он и в новеллах из «Китайской были» Баранова, в частности, в новелле «Птичья речь». По сюжету, в провинции Хэнань проживал даос, который питался подаяниями, собираемыми в деревнях. Однажды, отобедав в доме у одного крестьянина, он услышал пение иволги и сообщил хозяйину, что иволга предсказывает большой пожар в деревне. Хотя никто не поверил монаху, предсказание его сбылось. После этого люди стали называть его святым и прислушиваться к его словам. В итоге даоса приблизил к себе уездный начальник, заинтересовавшийся его способностями. В итоге, однако, услышав от даоса предостережение о том, что он скоро лишится своего места, уездный начальник прогнал его – но предсказание вновь сбылось и начальник, оказавшись жертвой собственной жадности (на что также указывал ему монах, пересказывая слова птиц), был изгнан со своей должности.

Как отмечает В.Я. Сидихменов, служители культа в даосизме подразделялись на две основные группы. «К первой относились монахи, занимавшие высокое положение в даосской иерархии. <...> Под их руководством проходили курс обучения молодые проповедники, маги, гадатели, составляющие как бы вспомогательный состав жрецов даосизма и выполнявшие повседневную службу в храмах.

Главное занятие второй группы даосов – служителей культа – заключалось в заклинании демонов. <...> К сонму святых причислялись даосские отшельники, способные прорицать и предсказывать людям судьбу» [Сидихменов, 1987, 159].

Неудивительно, что люди стали называть монаха-даоса, толковавшего предсказания Птиц, святым. Стоит отметить также, что В.Я. Сидихменов, анализируя текст «Птичья речь» в своей книге «Китай: Страницы прошлого» [Сидихменов,

1987, 161–163], приводит его именно в переводе Баранова, хотя книга его вышла уже после публикации переводов В.М. Алексеева, который, как известно, начал публиковать их переводы в 1920-х гг. [Цмыкал, 2022б], а скончался уже в 1951 году. В избранной библиографии, которую Сидихменов приводит в своей книге, также перечислены все труды И.Г. Баранова. Возможно, такое внимание к работам харбинского этнографа связано с тем, что В.Я. Сидихменов сам был выходцем с Дальнего Востока (также в упомянутой библиографии можно обнаружить труды П.В. Шкуркина и П.П. Шмидта, профессора Восточного института).

Как уже отмечалось, даосизм явился началом, наиболее органичным для народной культуры китайцев. Фактически, он смог стать посредником «между фольклорной и официальной религией» [Малявин, 2000, 265].

Е.А. Торчинов и С.В. Филонов пишут о том, что даосизм, восприняв ряд элементов философии и культа буддизма, помог ему закрепиться и адаптироваться в Китае, «предоставив ему терминологический аппарат для перевода буддийских понятий с санскрита и философские концепции, облегчавшие изложение буддийского учения в привычных китайцам формах» [Торчинов, 2008, 349]. Стоит также указать на то, что практически все древнекитайские божества вошли в пантеон религиозного даосизма [Сидихменов, 1987, 154].

Ещё один текст из «Китайской были», в котором встречается образ монаха-даоса – рассказ «Медицинское средство».

Медицинское средство (из сборника «Ляо-чэжэй-чэжи-и»)

По сюжету в этом рассказе даосский гадалщик встречает некоего Джана (Чжана) и предрекает ему судьбу. Джану следует заняться медициной, чтобы разбогатеть. Герой пользуется не академическими знаниями, а сведениями из области народной медицины: *«Люди считали его за самого обыкновенного уличного лекаря. <...> Джан промыл в воде траву и эту воду с находившимся в ней соком от травы поднёс начальнику области. Как только тот принял лекарство, то болезнь его как рукой сняло»* [Баранов, 1915, 50].

Как указывалось ранее, даосизм приходил на помощь китайцу в кризисные моменты, выполняя функцию ритуально-магического обеспечения повседневной жизни. В данном тексте бедный Джан встречает даосского монаха: «Бедный житель уезда И-шуй Шаньдунской провинции по фамилии Джан встретился по дороге с даосом, который умел хорошо гадать», тот предсказывает ему выход из бедственного положения и путь к богатству: «Вы должны заняться каким-либо ремеслом и тогда разбогатеете» [Баранов, 1915, 50]. Не обладая специальными знаниями в области медицины, Джан следует совету даосского монаха и обретает известность и богатство. Даосы верят, что судьба человека находится в его руках и её можно изменить [Антология, 1994, 273]. В приведённом тексте отражены широко распространённые в Китае и по сей день представления о том, что гадалщики дают наставления, а человек меняет свою судьбу, следуя им.

Не секрет, что в настоящее время сохраняется и влияние религиозного даосизма на китайскую медицину: суеверные люди главным средством лечения считают не лекарства, но магию [Сидихменов, 1987, 159].

Следующий рассказ, который мы рассмотрим, называется ***«Смерть на экзамене»*** (из сборника «Ляо-чэжэй-чэжи-и»).

Рассказ повествует об учёном по фамилии Цай, который хотел экзаменоваться на учёную степень в Пекине, что, согласно конфуцианской традиции, являлось неотъемлемой частью системы государственного образования в имперском Китае. Цай получил место домашнего учителя в доме старого маньчжура. Старый слуга отдал деньги, предназначенные в качестве приданного хозяйской дочери, на хранение учёному Цаю, но тот отказался подтвердить это. Авторитет учителя в китайской культуре исторически незыблем, поэтому Цаю поверили. Хозяйка выбрала старого слугу, решив, что это он присвоил себе деньги и оклеветал учителя. Слуга не смог оправдаться. Он сам начал ругать себя, а той же ночью повесился. «Широкое распространение среди конфуцианцев получило изречение “Умереть с голоду – событие маленькое, а утратить мораль – большое”» [Сидихменов, 1987, 137]. Учёный Цай утратил мораль, что понимал и сам.

«На следующий год Цай явился к экзамену на учёную степень.

Когда он вошёл в экзаменационное здание, то душевно заболел.

Он сел в отведённую ему отдельную комнату, зажжёт свечу и собственноручно изложил на бумаге все, что случилось в доме маньчжура. Сознавшись, таким образом, сам в своём бессовестном и непростительном поступке, он развязал свой пояс и повесился» [Баранов, 1915, 35]. Автор рассказа указывает, однако, на то, что Цай умер не от удушья. «Людей всего более поражало то, что лицо трупа было обращено к стене, он сидел прямо, и между петлёй пояса и шеей трупа расстояние было более вершка, так что казалось необъяснимым, от какой же причины Цай мог умереть» [Там же].

Согласно конфуцианским представлениям, идеальный образ «благородного мужа» являет собой образец честности, искренности, прямодушия. «Благородный муж» посвящает себя высоким идеям, служению людям, поискам истины, должен быть беспристрастно относиться к богатству, жизненным удобствам и материальным выгодам. [Сидихменов, 1987, 137–138]. В структуру экзамена входило доскональное знание классических конфуцианских канонов «Четырёхкнижие» и «Пятикнижие», а «Учёный по фамилии Цай был известен своею начитанностью по всему левому берегу Янцзы». Очевидно, что Цай, претендующий на сдачу государственного экзамена, нарушил основные идеалы конфуцианского учения, ему хорошо известные, а соответственно, недостоин был сдать экзамен на учёную степень. В итоге поступок учёного Цая стал широко известным примером нарушения конфуцианской морали. Все люди, увидевшие его рукописное признание, сняли с него копию (очевидно, это были люди учёные, учитывая то, где происходило действие), среди них был некий г-н Е Синсань. В заключении рассказа говорится, что он часто вынимал копию признания и показывал её людям, «дабы учёные дурного поведения воздерживались от подобных поступков».

Таким образом, в данном тексте мы наблюдаем яркий пример того, насколько значимыми для китайского сознания являются конфуцианские представления, связанные с образом учителя. В следующем рассказе из нашей выборки, озаглавленном «Почтительная дочь» (Из сборника «Цзы-бу-юй»), проявляется другая фундаментальная конфуцианская категория – «сяо», или «сыновняя почтительность»³.

«Главным из древнейших религиозных культов, видимо, следует считать культ предков, – пишет П.М. Кожин, – Культ предков структурировал систему морально-этических норм и социальных отношений в семейных и клановых коллективах, в конце концов кристаллизовавшуюся в конфуцианскую ритуализованную систему “пяти постоянств” (у чан)» [Кожин, 2007, 173–174].

Концепция сяо регламентирует – и с незапамятных времён регламентировала – самые разные сферы жизни китайского общества (от семейных отношений до государственного устройства). Проявляется это и в китайских народных сказаниях. Преданная отцу героиня рассказа «Почтительная дочь» ради его излечения молится по ночам в течение долгого времени – но, не имея возможности молиться на горе Яцзишань в кумирне богини Би-ся юань-цзюнь, делает это во дворе своего дома, проходя каждый раз то количество шагов, которое отделяет её от чудесной горы. Однажды евнух Чжан, пришедший молиться в кумирню Би-ся юань-цзюнь, видит её призрачный образ. Одна из богомольцев, оказавшихся на горе Яцзишань в тот день, сообщает Чжану, что он видел её соседку, которой она советовала также идти молиться за отца к священной горе. Евнух щедро награждает девушку, умилившись её дочернему чувству, и делает её своей приёмной дочерью. Отец девушки выздоравливает, а она выходит замуж за богатого купца [Цмыкал, 2022a].

Так, любящая дочь добивается благосклонности богини и излечения отца, а сама обретает всяческие блага. Всё происходит с соответствием с нормами китайской морали.

Одновременно в рассматриваемом рассказе прослеживаются даосские мотивы. Так, в нём фигурирует культ богини Би-ся⁴. Как мы отмечали уже, в пантеон религиозного даосизма входят почти все божества древнекитайских религий [Сидихменов, 1987, 154], в том числе – и богиня Би-ся юань-цзюнь, которой молится героиня рассказа.

Рассказ *«Коралл»* (сборник *«Ляо-чжай-чжи-и»*) повествует о двух братьях, Да-чэне и Эрр-чэне, и их семьях. В данном тексте, по объёму и количеству сюжетных перипетий превосходящем большинство рассказов из *«Китайской были»*, отражаются самые разные черты народной религиозности китайцев. Основную идею произведения составляет необходимость следования заповедям *сяо* в семейных отношениях. Героиня рассказа Шань-ху (в переводе с кит. – «коралл», что и дало название рассказу), является старшей невесткой в семье мужа, однако именно она становится жертвой нападок неуживчивой свекрови. Из-за этого муж изгоняет несчастную женщину из дома, после чего она селится у дальней одинокой родственницы, однако во время болезни свекрови начинает регулярно приносить той еду и питьё и всячески заботиться о ней. Когда свекровь узнаёт, кто помог ей излечиться, она горько раскаивается в своей жестокости и принимает невестку обратно в дом.

Антиподом Шань-ху, соблюдающей нормы *сяо* (как и её муж Ань Да-чэн), выступает жена младшего брата, Эрр-чэна, которую зовут Цзан-гу. Цзан-гу обращалась со свекровью грубо и непочтительно, а также была ленивой и жадной. В результате она стала причиной раздора между братьями. И её, и Эрр-чэна постигла страшная кара: они потеряли всё имущество, сыновья их умерли.

Любопытство вызывает в данном рассказе сцена явления духа отца старшему брату, Да-чэну:

«Неожиданно старик заговорил:

– Я – кандидат Ань. Кто такой Жэнь, что посмел покупать моё имущество? – взглянув на Да-чэна, он продолжал. – В подземном мире были тронуты сыновней почтительностью твоей и твоей жены, а посему послали меня на короткий срок повидаться с тобой.

Да-чэн заплакал и сказал:

– Отец! Ты многое можешь. Спаси моего младшего брата!

Ань устами старика сказал:

– Непослушный сын и сварливая невестка не заслуживают сожаления. Иди домой и поскорей ищи денег, чтобы выкупить моё кровное имущество.

– Мы с матерью едва только можем себя прокармливать. Откуда же достать так много денег? – спросил Да-чэн.

– Под кустом тёмно-красной розы в нашем дворе спрятаны деньги. Их можно взять и использовать, – ответил дух» [Баранов, 1915, 64–65].

И.А. Алимов, рассуждая о текстах сунского Китая (период существования империи Сун – 960–1279 гг.), пишет: «В текстах сунского Китая души умерших, вернувшись в мир живых, могут вступать в контакт с последними как наяву, так и во время сна» [Алимов, 2008, 12]. Учёный также отмечает: «Душа умершего является во сне и другим людям, с которыми при жизни её связывали дружеские узы, с целью помочь. Такие рассказы часто имеют буддийскую окраску <...>. Душой умершего может двигать забота о детях. Умерший отец, вернувшись домой к детям, обращается к ним с наставлениями...» [Алимов, 2008, 14–16]. Несмотря на то, что сборник *«Ляо-чжай-чжи-и»* относится к другой эпохе (17–18 вв.), на наш взгляд, было бы справедливо экстраполировать слова учёного на обсуждаемый сюжет, так как базовые представления китайского народного сознания не менялись кардинально с течением времени.

В рассказе *«Коралл»* фигурирует добрый дух – дух отца Да-чэна, который помогает старшему сыну и наставляет его непутёвого брата (происходит «деификация предка» – по определению А.П. Забияко). Дух предка, таким образом, следит за соблюдением этических норм своими детьми и их жёнами, а также заботится об их благополучии. Для китайских религиозных представлений такое поведение духа предка в высшей степени характерно.

В следующих двух рассказах проявляется соединение всех признаков трёх великих китайских религий.

Так, в рассказе *«Сверчок»* (сборник *«Ляо-чжай-чжи-и»*) доминирующей является идея перерождения. Мальчик, выпустив сверчка, единственную надежду на заработок для семьи в будущем, потерял его. Мать сильно отругала ребёнка – и он убежал из дому. Позже тело его нашли в колодце. Безутешная скорбь родителей,

однако, вернула мальчика к жизни. После данного случая мальчик обрёл дар: «*Он сам про себя рассказывал, что на некоторое время его дух переходил в сверчка, ловкого, подвижного бойца, и что теперь лишь дух вернулся в собственное тело мальчика*» [Баранов, 1915, 42]. Идея перерождения, являющаяся базовой для этого текста, почерпнута китайским религиозным сознанием из буддийского учения [Сидихменов, 1987, 169] и интерпретирована народным сознанием в русле даосизма: семья в итоге богатеет за счёт чудесного дара сына.

Буддизм способствовал развитию даосской концепции загробной жизни. Именно под его влиянием у даосов и вообще в Китае появились представления о существовании многочисленных небесных ярусов, населённых гигантским количеством небожителей, о рае, о различных мирах и т.п. [Васильев, 2001, 373].

Отражена здесь также конфуцианская идея государственной системы управления: «*...уездный начальник был весьма обрадован. Он освободил Чэна от должности старосты, и кроме того, исхадатайствовал перед провинциальным экзаменатором, чтобы Чэну присудили на экзамене первую учёную степень, а губернатор выдал Чэну щедрую денежную награду*» [Баранов, 1915, 44].

В новелле «**Второе рождение**» («**Сборник ночных рассказов**») повествуется о перерождении благочестивого и щедрого старика. В момент смерти за стариком приходят: «*...два человека, одетые в чёрное платье и похожие на служителей из уездного управления*» [Баранов, 1915, 32], что уже само по себе указывает на синкретизм народных представлений китайцев, где идея переселения душ, заимствованная из буддизма, тесно переплетается с идеей чиновничьего порядка, органичной для конфуцианства. Переродившись в младенца, старик сообщает: «*Не бойтесь. Я такой-то старик из такой-то деревни. Теперь, глядя на всё, что вокруг меня происходит, я полагаю, что я родился второй раз и в вашем доме...*» [Баранов, 1915, 33]. Поучительно заключение новеллы: «Люди думают: такую счастливую жизнь он [старик] получил за то, что был хорошим человеком» [Там же]. Очевидно, что здесь прослеживается буддийская идея реинкарнации, посмертного воздаяния. В.Я Сидихменов отмечает: «Буддизм принёс в Китай учение о рае и аде, о подземном царстве и загробном возмездии (следует при этом иметь в виду, что рай и ад одновременно являются атрибутами и даосизма). Буддийский рай по-китайски называется “мир высшей радости” или “чистая страна”. Люди верили, что существовал “мир теней”, который соответствовал земной жизни: души усопших наказывали там за дурные поступки и поощряли их достойные дела» [Сидихменов, 1987, 215]; «Из всех доктрин буддизма особенно привилась в Китае вера в перерождение. О перерождении в народе распространились самые невероятные рассказы» [Сидихменов, 1987, 217].

Рассматривая вопрос о роли сверхъестественных сил в *бицзя сяошо*, О. Фишман приходит к заключению, что «...функция сверхъестественных сил – давать практическое выражение нравственным оценкам (формулируемым авторами сборников), выступать в качестве всеведущего исполнителя высшей необходимости (закона). Цель же авторов <...> наставить людей на добрый путь. Для этого они используют и конфуцианские этические нормы, и буддийскую теорию воздаяния за поступки, совершённые человеком при жизни. <...> “Дурное” перерождение является карой за грехи, совершённые в предшествующей жизни» [Фишман, 1984, 211]. Хотя в приведённых текстах перерождение становится не наказанием за грехи, а, напротив, воздаянием, в целом суждение, высказанное О. Фишман, позволяет заключить, что сюжеты о вмешательстве сверхъестественных сил в жизнь человека в китайских *бицзя сяошо* зачастую имеют дидактический характер – по крайней мере, когда речь идёт о посмертном воздаянии за праведный, либо неправедный образ жизни. С одной стороны, это обусловлено культурно-религиозными представлениями, базирующимися на конфуцианских и буддийских представлениях, а с другой стороны, сами конфуцианские и буддийские представления в таких случаях становятся для авторов сборников *бицзя сяошо* инструментом «наставления».

Резюмируя, следует отметить, что в рассказах, входящих в цикл «Китайская быль» И.Г. Баранова, проявляется важнейшая особенность китайской народной религиозности – синкретичность, представляющая собой соединение архаичных народных религиозных верований и *сань цзяо*.

Заключение

Востоковедческая деятельность учёных Харбина заслуживает внимания по нескольким причинам. Результаты исследований харбинских этнографов составляют целый пласт материалов, мало известных современной российской науке, не все из них проанализированы с учётом современных данных, собранных в архивах и объединённых в единую систему знаний. Между тем, они, безусловно, представляют ценность для учёного – как с точки зрения историографии, так и с точки зрения практического изучения инокультуры. В частности, тексты *бицзя сяошо*, переведённые и опубликованные И.Г. Барановым, содержат огромное количество ценных с точки зрения этнографии сведений о народной культуре китайцев, в т.ч. о китайском синкретизме, укладе жизни традиционной китайской семьи, нравственных доминантах китайского народа.

Обращение к подобным текстам позволяло Баранову И.Г. проникнуть вглубь китайской культуры – бытовой, нравственной, религиозной и т.п. Объёмные поясняющие комментарии, которыми сопровождаются многие из публикаций рассматриваемых учёным-востоковедом, свидетельствуют о великолепной китаеведческой подготовке, глубоком знании китайского языка и прекрасном понимании китайской культуры. Также эти комментарии, безусловно, служили исполнению одной из основных задач Общества русских ориенталистов – распространению и популяризации знаний о Китае среди населения (так как рассчитаны они на самую широкую аудиторию).

Нельзя, однако, рассматривать харбинское востоковедение в отрыве от ориенталистической науки российского Дальнего Востока и шире – российского востоковедения. Так, уже в уставе Общества русских ориенталистов прописано: «Основной задачей объединения лиц, получивших высшее ориентальное образование, должно быть служение государственным интересам России на Азиатском Востоке». Также известно намерение членов Общества открыть его отделения и во Владивостоке, и в Санкт-Петербурге. С коллегами, находившимися в России, харбинские этнографы активно переписывались и сотрудничали.

Для людей, оказавшихся в окружении чуждой им этнокультурной реальности обращение к изучению инокультуры становится, фактически, попыткой решения конфликта между «своим» и чужим» – и, парадоксальным образом, через познание «чужого» даёт возможность сохранить «своё». С этой точки зрения востоковедческие штудии харбинцев можно рассматривать как стратегию сохранения этнокультурной идентичности.

Благодарность

Исследование проведено при поддержке программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», в рамках лаборатории под руководством молодых исследователей. Проект № FZMU-2022-0008, рег. номер 1022052600017-6.

Acknowledgement

The research was conducted with the support of the Priority 2030 strategic academic leadership program, within the framework of a laboratory led by young researchers. Project No. FZMU-2022-0008, reg. number 1022052600017-6.

Библиографический список

1. Алимов, И.А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая / И.А. Алимов. – СПб.: Изд-во «Наука», 2008. – 284 с.
2. Антология даосской философии / Пер. В. Малявина, Б. Виноградского – М.: Товарищество Клышников; Комаров и Ко, 1994. – 448 с.
3. Баранов, И. Китайская быль (Пер. с кит. яз.) / И. Баранов // Вестник Азии. – 1915. – № 34. – Кн. 2. – С. 28–71.
4. Васильев, В.Л. Культы, религии, традиции в Китае / В.Л. Васильев. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 488 с.
5. Веревкин, И. Краткий очерк возникновения и деятельности Общества русских ориенталистов / И. Веревкин // Вестник Азии. – 1909. – № 1. – 272–278.

6. Гольгина, К.И. Повествовательная проза на литературном языке вэньянь / К.И. Гольгина // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 3. Литература. Язык и письменность / Гл. ред. М.Л. Титаренко. – Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. Лит., 2008. – С. 79–83.
7. Забияко, А.А. Ментальность дальневосточного фронта / А.А. Забияко. – М-во образ. и науки РФ, Амурский гос. ун-т. – Новосибирск: Издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. – 437 с.
8. Забияко, А.П. На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации / А.П. Забияко // Забияко А.А., Забияко А.П., Левашко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – С. 3–14.
9. Забияко, А.П. Порубежье / А.П. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Материалы Международной научно-практической конференции. – 2010. – С. 5–10.
10. Забияко, А.П. Синкретизм религиозный / А.П. Забияко // Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический проект Гаудеамус, 2008. – С. 1171.
11. Зиненко, Я.В. Художественная этнография в Маньчжурии в начале XX века (избранная библиография) / Я.В. Зиненко, О.Е. Цмыкал // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Сборник научных работ / Под редакцией А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Пер. на кит. Ван Юйци, пер. на англ. О.Е. Цмыкал. – Благовещенск, 2021. – С. 172–178.
12. Кожин, П.М. Историческое развитие религиозной ситуации / П.М. Кожин // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Т. 2. Мифология. Религия / Ред. М.Л. Титаренко и др. 2007. – С. 173–174.
13. Конталева Е.А. Религиозный синкретизм в интерпретации российских и зарубежных исследователей / Е.А. Конталева // Религиоведение. – 2017. – № 4. – С. 62–78.
14. Лемешко, Ю.Г. Храм Первозданной владычицы Лазоревой зари на горе Яцзишань / Ю.Г. Лемешко // Общество и государство в Китае. – 2018. – Т. 48. – № 2. – С. 605–611.
15. Малявин, В.В. Китайская цивилизация / В.В. Малявин. – М.: Изд-во «АСТ, Астрель», 2000. – 320 с.
16. Переломов, Л.С. «Четверокнижие» – ключ к постижению конфуцианства / Л.С. Переломов // Конфуцианское Четверокнижие (Сы шу) / Пер. с кит. и коммент. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии В.М. Майорова; вступит. ст. Л.С. Переломова. – М.: Вост. лит., 2004. – 431 с.
17. Сидихменов, В.Я. Китай: страницы прошлого / В. Я. Сидихменов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1987. – 446 с.
18. Торчинов, Е.А. Даосизм / Е.А. Торчинов, С.В. Филонов // Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический проект Гаудеамус, 2008. – С. 349.
19. Фишман, О.Л. О традиционных китайских представлениях в сборниках художественной Религия и культура / Religion and Culture 178 прозы VII–XVIII вв. / О.Л. Фишман // Из истории традиционной китайской идеологии. – Главная редакция восточной литературы, 1984. – С. 180–229.
20. Хисамутдинов, А.А. О чем рассказали китайские львы: К истории Восточного института и Государственного дальневосточного университета / А.А. Хисамутдинов; под ред. Г.П. Турмова. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2009. – 160 с.
21. Хисамутдинов, А.А. Изучение Китая русскими исследователями из Харбина / А.А. Хисамутдинов // Забияко А.А., Забияко А.П., Левашко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – С. 99–140.
22. Хисамутдинов, А.А. Русские учёные, краеведы и востоковеды в Китае: Материалы к иллюстрированным биографиям / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток, 2018. – 210 с.
23. Цмыкал, О.Е. Китайские народные сказания как источник этнокультурных сведений (на материале цикла повестей «Китайская быль», сост. И. Баранов) / О.Е. Цмыкал // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 9. 125 лет начала строительства КВЖД. К юбилею профессора В.В. Агеносова: Сборник научных работ / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой; пер. на кит. Ван Юйци, Е. Янян; пер. на англ. О.Е. Цмыкал. – Благовещенск: Изд-во Амурского госуниверситета, 2022. – С. 241–271.
24. Цмыкал, О.Е. Отражение религиозных представлений китайцев в новелле о необычайном (на материале цикла «Китайская быль», сост. и пер. И.Г. Баранов). – Религиоведение. – 2022. – № 4. – С. 169–179.

*Текст поступил в редакцию 02.06.2023.
Принят к печати 26.06.2023.
Опубликован 21.12.2023.*

¹ Баранов Ипполит Гаврилович (1886–1972) – вице-председатель ОРО и соредатор журнала «Вестник Азии» (с 1921 г., № 48–52). Окончил китайско-маньчжурское отделение Восточного института во Владивостоке по первому разряду (1911 г.). Переводчик китайского языка на КВЖД и преподаватель в харбинских учебных заведениях. Приват-доцент Юридического факультета в Харбине (с 1924 г.). Преподаватель китайского языка и экономической географии Маньчжурии в Северо-Маньчжурском университете (Харбин, 1938–1945 гг.), занимался переводческой деятельностью. Заведующий Русским отделом в Харбинском железнодорожном институте (1939–1945 гг.). Заведующий кафедрой китайского языка в Харбинском политехническом институте (1946–1955 гг.). Автор более 150 работ [Хисамутдинов, 2018, 26].

² Как отмечает А.П. Забияко, «Фронтир (от англ. frontier) – термин, которым обозначается контактная зона между странами, народами или культурами, в сущности, синонимичный русскому понятию порубежье. <...> В онтологическом смысле порубежье – это бытие на стыке своего и чужого, старого и нового» [Забияко, 2010, 5–6].

³ Л.М. Переломов отмечал: «Концепция сыновней почтительности и уважения к старшим по возрасту активно внедрялась официальным конфуцианством в народное сознание на протяжении десятков веков. Забота о старших, пожилых людях, прежде всего о родителях, проходит красной нитью через все суждения Конфуция о гармоничном обществе. Он разработывает и пропагандирует принцип *сяо*, призванный сыграть цементирующую роль в устанавливаемых им нормах поведения людей» [Переломов, 2004, 47, 21].

⁴ Би-ся юань-цзюнь (碧霞元君 *bìxiá yuánjūn*) – Госпожа Лазоревых облаков, др. перевод: Госпожа Лазоревой зари. В китайской даосской и народной мифологии богиня – чадоподательница и покровительница детей, а также лис. Её местопребыванием считается священная гора Тайшань (пров. Шаньдун), где был особенно распространён её культ [Лемешко, 2018, 605–611].

References

1. Alimov I.A. *Besy, lisy, duhi v tekstah sunskogo Kitaya* [Demons, foxes, spirits in the texts of Song China]. S. Petersburg: Nauka Publ., 2008, 284 p. (In Russian).
2. Baranov I. *Vestnik Azii* [Monitor of Asia]. Harbin, 1915, no. 34 (2), pp. 28–71 (in Russian).
3. Fishman O.L. *Iz istorii tradicionnoj kitajskoj ideologii* [From the History of the Traditional Chinese Ideology]. M.: Glavnaya redakcija vostochnoj literatury, 1984, pp. 180–229 (in Russian).
4. Golygina K.I. *Duhovnaya kul'tura Kitaya: enciklopediya: v 5 t. T. 3. Literatura. Yazyk i pis'mennost'* [Spiritual Culture of China: Encyclopedia in 5 vols. Vol. 3. Literature. Language and Writing]. Moscow: Vost. Lit. Publ., 2008, pp. 79–83 (in Russian).
5. Khisamutdinov A.A. *O chem rasskazali kitajskie l'vy: K istorii Vostochnogo instituta i Gosudarstvennogo dal'nevostochnogo universiteta* [What the Chinese Lions Told about: On the History of the Oriental Institute and the State Far Eastern University]. Vladivostok: DVGU Publ., 2009, 160 p. (in Russian).
6. Khisamutdinov A.A. *Russkie uchenye, kraevedy i vostokovedy v Kitae: Materialy k illyustrirovannym biografijam* [Russian Scientists, Local Historians and Orientalists in China: Materials for Illustrated Biographies]. Vladivostok, 2018, 210 p. (in Russian).
7. Khisamutdinov A.A. *Russkij Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyah dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: the experience of life-building in the Far Eastern frontier conditions]. Blagoveshchensk: Amurskij gos. un-t Publ., 2015, pp. 99–140.
8. Kontaleva E.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk, 2017, no. 4, pp. 62–78 (in Russian).
9. Kozhin P.M. *Duhovnaya kul'tura Kitaya: enciklopediya: v 5 t. T. 3. Literatura. Yazyk i pis'mennost'* [Spiritual Culture of China: Encyclopedia in 5 vols. Vol. 3. Literature. Language and Writing]. Moscow: Vost. Lit. Publ., 2008, pp. 173–174 (in Russian).
10. Lemeshko Yu.G. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China]. Moscow, 2018, vol. 48, no. 2, pp. 605–611. (in Russian).
11. Malyavin V., Vinogradsky B. *Antologiya daoskoj filosofii* [Anthology of Taoist Philosophy]. Moscow: Tovarishestvo Klyshnikov; Komarov i Ko Publ., 1994, 448 p. (In Russian).
12. Perelomov L.S. *Konfucianskoe Chetveroknizhie (Sy shu)* [The Four Books (Si shu)]. Moscow: Vost. lit. Publ., 2004, 431 p. (In Russian).
13. Sidihmenov V.Ya. *Kitaj: stranicy proshlogo* [China: Pages of the Past]. Moscow: Nauka Publ., 1987, 446 p. (in Russian).
14. Torchinov E.A. *Enciklopediya religij* [Encyclopedia of Religions]. M.: Akademicheskij proekt Gaudemus Publ., 2008, p. 349 (In Russian).
15. Tsymkal O.E. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk, 2022, no. 4, pp. 169–179 (in Russian).
16. Tsymkal O.E. *Russkij Harbin, zapechatlyonnij v slove. Sbornik nauchnyh rabot* [Russian Harbin, Captured in the Word. Collection of Scientific Papers]. Blagoveshchensk, 2022, pp. 241–271 (in Russian).
17. Vasil'ev V.L. *Kul'ty, religii, tradicii v Kitae* [Cults, Religions, Traditions in China]. Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2001, 488 p. (In Russian).
18. Verevkin I. *Vestnik Azii* [Monitor of Asia]. Harbin, 1909, no. 1, pp. 272–278 (in Russian).
19. Zabyako A.A. *Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira* [Mentality of the Far Eastern Frontier]. Novosibirsk: Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk Publ., 2016, 437 p. (In Russian).

20. Zabayako A.P. *Enciklopediya religij* [Encyclopedia of Religions]. Moscow: Akademicheskij proekt Gaudemus Publ., 2008, p. 1171 (in Russian).
21. Zabayako A.P. *Rossiya i Kitaj na Dal'nevostochnyh rubezhah. Russkie i kitajcy: regional'nye problemy etnokul'turnogo vzaimodejstviya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Russia and China on the Far Eastern Borders. Russians and Chinese: Regional Problems of Ethnocultural Interaction. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Blagoveshchensk, 2010, pp. 5–10 (in Russian).
22. Zabayako A.P. *Russkij Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyah dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: the experience of life-building in the Far Eastern frontier conditions]. Blagoveshchensk: Amurskij gos. un-t Publ., 2015, pp. 3–14 (in Russian).
23. Zinenko Ya.V., Tsymkal O.E. *Russkij Harbin, zapечатlyonnyj v slove. Sbornik nauchnyh rabot* [Russian Harbin, Captured in Words. Collection of scientific works]. Blagoveshchensk, 2021, pp. 172–178 (in Russian).
24. Malyavin V.V. *Kitajskaya civilizaciya* [Chinese Civilization]. Moscow: Aprel' Publ., AST Publ., Dizan. Informaciya. Kartografiya Publ., 2000, 632 p. (In Russian).

Submitted for publication: June 02, 2023.

Accepted for publication: June 26, 2023.

Published: December 21, 2023.